

Это лето

1.

Звучит трек Оксимирона "Признаки жизни".

РОМА. Забился я 9 июня, с этого лето началось. Как ни странно, всё спонтанно – шрам видишь? Художница рисовала под шрам эскиз, мне всё не нравилось, она всё к херам выкинула, двое суток просидела, нарисовала рыбу и сказала: или так делаешь, или пошёл на хуй. В моей жизни было три вехи: театр, футбол и тёлочки. Но тёлочки – это уже неприлично, типа, возраст, теперь Аглаша и Маша – их имена. Вот это реально сродни замужеству – вместо загса у нас татуировка. Раньше я говорил Маше, что хочу тату – театр, футбол и имя Аглаши, она так обиделась! Ревновала. Я же хороший отец: праздник, хуязник – я Аглашу уложу, помою, поиграю. А её, значит, так не люблю. Ну а теперь два имени, на всю жизнь.

В общем, нарисовала она рыбу, я в центре города нашёл хорошую тату-студию, посмотрел сайт. И пришёл, показал эскиз – хочу такое. Мне говорят: “У нас есть мастер, он может, но редко работает по чужим эскизам, но вы приходите”. Я пришёл: “Здрасьте”, он посмотрел: “Я вообще не очень люблю, но эскиз крутой”, мы 10 минут поговорили, а мне очень важно, чтобы не напрягал человек, сразу начинаю ему доверять. В общем, пришёл я в следующий раз в час, ушел в пять вечера. В конце реально уже больно, когда он уже третий раз стал проходить.

Теперь многие спрашивают, почему рыба. Ну это же христианский символ, алё! Это о многом говорит в этой якобы христианской стране. Мама сказала: “Зачем ты это сделал? Она же страшная такая у тебя, капец!” А я говорю: “Аглаше нравится”. “Идиот,” - говорит. А на пьянке одна девушка сказала: “О, это возбуждает”. А остальным пофиг.

Мяч не мог не набить. И звезду Давида тоже. Почему я не стал натуральным гопником? Потому что занимался футболом. Это моя страсть, и она по сей день осталась, но теперь я его просто смотрю. Даже иногда не понимаю, почему смотрю, даже мысли о другом, и вообще иногда насрать. В детстве очень плотно занимался и подавал большие надежды, и поэтому слал к херам учителей в школе. И меня взяли в Семёновский интернат – там Кержаков, Аршавин учились на год старше меня. Были некоторые пролемы в команде из-за того, что я еврей – там был, например, один чувак, которого я пизданул стулом по голове, когда меня достало, что он меня дразнил - жид, жид - были большие разборки потом с родителями, тренерами и т.д.

И тут мне мама говорит: ты едешь в Германию. В общем, я сказал: ребята, идите к херам, я переезжаю в Германию, Германия лучшая в футболе-то уж

точно, поэтому всем сосать. Ушёл из команды. И мне говорили, ты чё дурак что ли. Но я уехал. Это на самом деле важный момент в моей судьбе.

2.

РОМА. Ну что за лето такое, капец. Стою со стаканчиком кофе на Марсовом поле, как будто так, гуляю среди чёрных космонавтов. Сначала покричали в матюгальники: мол, не согласован, расходитесь. Потом хороводы стали водить – охватили кольцом людей и держат. Люди внутри кольца машут триколорами. Бля, впервые что-то такое шевельнулось к триколору – впервые он в правильном месте, в правильное время. Пасмурно. «Полиция против народа! Полиция против народа! Путин вор! Путин вор!» Пасмурно, нет неба. На скафандрах запотевшие стёкла, а на боках бронежилетов эмблемы «Модуль». Загуглил: «Десятки тысяч бронежилетов Модуль находятся в эксплуатации, они завоевали доверие бойцов ОМОН, СОБР, УВО, признание солдат и командиров в период боевых действий в Чечне». На некоторых космонавтах чёрные перчатки, а один поднял стекло на шлеме, лицо такое простое, безбровое, сельскохозяйственное, голые кисти рук на ремне, дешёвые электронные часы на запястье, смотрит в небо, молчит. «Отпустите людей! Отпустите людей! Отпустите людей!», «Вам не стыдно? Совсем нет? В те же магазины ходите, что и мы. Вы кого охраняете-то? Вы тоже из того же мяса сделаны!», «День России – родину защищаете, наверное, да, ребята? Вот вы к родителям придете таким же, как и я, и родители вам свою пенсию покажут, такую же, как у всех», «Полиция с народом! Полиция – уроды!», «Ребята, вас травят на нас, а ваших родителей другие вот так будут окружать. Ваше начальство – преступники, вот эти вот полковники, которые до пенсии доживают любой ценой».

Один пожилой в жёлтой футболке, из окружения, очень хочет выйти. «Не хочу я тут стоять, я свободный человек, где хочу, там и стою!» - ему что-то тихо отвечает омоновец. «За что задерживаете? Я в туалет хочу. Мне плохо здесь, я гулял. Мне плохо, вы понимаете? Мне плохо здесь! Я задыхаюсь! Мне плохо! Вызовите врача!» Теперь слышно, как омоновец ему отвечает: «Неудачно гулял». Тот в жёлтом отвечает: «Почему неудачно? Сегодня день города!» Но сегодня вообще не день города, конечно. Женщина с красными волосами: «Отпустите людей! Отпустите людей! Позор! Позор! Позор!» Толпа подхватывает, скандирует.

Допил кофе, бросил стаканчик прямо под ноги – до ближайшей урны толкаться и толкаться, ну или в автозаке довезут. Тот в жёлтом уже совсем жалобно просит: «Майор, мне плохо, ну дай мне выйти, ну выйти дай, мне плохо, плохо!» Его вырывают снаружи, отбили, слава богу дедушку, может, и правда случайно попал. «Твари ёбаные!» - кто-то рядом говорит. Женщина увещевает их: «Ребята, какая тяжёлая работа у вас! Что ж вы так мучаетесь?», хор усиливает: «Полиция с народом! Полиция с народом! Полиция с народом!» Снова соло: «Вы же с народом должны быть, ну что я плохого говорю?» Выпустили девушку-блондинку в очках, она рыдает, её обнимает подруга. «Ну вы же понимаете, что творите, зачем молчите?»

Выходит второй солист, пожилой мужчина: «Защитники родины, посмотрите мне в глаза! Ловите террористов, чё вы здесь ловите? Позор! Позор! Как вы будете потом своим детям в глаза смотреть? Детям, детям, через 5-7 лет! Всех не посадят! Они будут говорить, что они герои. Отпускайте людей! Отпускайте! Дайте приказ отпустить людей!»

Тут крики, аплодисменты, пошла волна – запустили розового надувного утёнка, он как облако плывёт и кувыркается над всеми, прекрасно. «Путин – вор! Путин – вор! Путин – вор! Беспредел! Беспредел! Беспредел!» Продолжается лекция для чёрных космонавтов: «Вы как потом жить будете? Ну скинут Вову Путина, а вы куда денетесь? Мы вас в охрану даже не возьмём, даже дворником не возьмём!» Один космонавт заулыбался, но через поперечную морщину на переносице. Теперь худая старушка, из блокадных детей: «Вы кого защищаете? Убийцу и подонка? У нас нет государства – оно разворовано Путиным и его командой, а вы их защищаете – подонков, воров и бандитов». Космонавты молчат, вцепились друг в друга и молчат, спинами к нам. У одного ремень плотно на подбородке, впился. Плакат «ПТН ПНХ!» - хороший призыв. Закуриваю, от этого холодеют ещё больше пальцы, лето какое-то дурацкое, холодное. На граните высечено: «К толпам коммунаров ныне примкнули сыны Петербурга». На земле мокрая листовка: «Меняй систему, а не персону на троне. Вместо президента и чиновников – прямое участие каждого в управлении. Вместо олигархов и капиталистов – кооперация и общественный контроль». Плакат «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров». Впереди стоит парень молодой, на футболке «В чём сила, брат?» Опять закричали «Позор!» - начали граждан носить. «Вы стариков винтите, фашисты!»

Маша уже всю ляжку мне прожжужала – пишет «Ну как?», «Как ты?», «Что делаешь?», «Езжай домой!», «Рома, хватит!», «Рома, ты выполнил гражданский долг, теперь давай домой, вареники!» Волнуется. «Марсово поле – удельный парк» - надпись на автобусе-автозаке. Солдатики в кузове грузовой машины, пошёл дождь, они закрывают лица ладонями, чтобы их не снимали. «Верните наше право! Верните наше право!» Грубо винтят. «Бляди! Современная Россия!» Пищат уточками. Толстомордый мент снимает на камеру. «Я гражданин России!» - кричит парень, которого несут.

Я ухожу, хочется кому-то врезать, пинаю пивную банку. А рядом фестиваль цветов – кислотная сцена, пёстрые платья, музыка Чайковского. Охраняет уже росгвардия в фуражках. Срываю фуражку с одного хлюпика и убегаю.

3.

Юбилей тётки, гости поют.

ГОСТИ. Выйду ночью в поле с конем
Ночкой темной тихо пойдём
Мы пойдём с конем по полю вдвоём
Мы пойдём с конем по полю вдвоём

Ночью в поле звезд благодать
В поле никого не видать
Только мы с конем по полю идем
Только мы с конем по полю идем

Сяду я верхом на коня
Ты неси по полю меня
По бескрайнему полю моему
По бескрайнему полю моему

Дай-ка я разок посмотрю
Как рождает поле зарю
Ай брусничный цвет, алый да рассвет
Али есть то место, али его нет

Полюшко мое, родники,
Дальних деревень огоньки
Золотая рожь да кудрявый лен
Я влюблен в тебя, Россия, влюблен

Будет добрым год хлебород
Было всяко-всяко пройдет
Пой золотая рожь, пой кудрявый лен
Пой о том, как я в Россию влюблен

Пой золотая рожь, пой кудрявый лен
Мы идем с конем по полю вдвоем

РОМА. Ох, как влюблён! Как влюблён!
ПОЛКОВНИК. Ты не любишь Россию что ли?
РОМА. Я?
ПОЛКОВНИК. Так едь в свою Украину!

4.

Продолжение юбилея тёщи.

РОМА. Всё-таки не понимаю: с 41-го по 45-й понятно, дальше Афганистан –
напали на чужую страун, Чечня – напали...

ТЁЩА. Тебе Америку перечислять, на кого они напали?

РОМА. При чём тут Америка...

ТЁЩА. Ром, ну я не могу больше, слушай, я не хочу говорить на эту тему с
тобой, ты конченный либерал.

РОМА. Конченный либерал?

ТЁЩА. Конченный вообще. У меня и муж военный, и Серёжа военный, он
полковник, ветеран Чечни. Он бы тебе ответил.

КРЁСТНАЯ. Приходится чем-то жертвовать, чтобы они рулили, чтобы
порядок был. Зато есть порядок. Пока так, а дальше посмотрим.

РОМА. Вы так считаете?

ТЁЩА. Невский сохранил жизнь тысячи русских. Невский в татарское иго пришел с поклоном, как все думали, поднял армию, которая потом победила. Учи историю, Ром, у тебя большая дырка, дыра, вот такая! Ты всё переворачиваешь с ног на голову.

РОМА. Не понимаю, где наши враги, мы сами...

ТЁЩА. Жену свою люби, корми, защищай – больше от тебя ничего не требуется. И содержи её. Если понадобится – мы родину защитим без тебя. Обойдёмся без тебя, ты со своей семьёй разберись.

КРЁСТНАЯ. У тебя есть семья, а у нас есть родина, наша Россия, она наша семья.

РОМА. Не понимаю, при чём тут как бы моя семья. И от кого защищать?

ТЁЩА. Мой папа сказал: только полные идиоты думают, что мы воюем на Украине, полные идиоты, мой папа сказал.

ТЕСТЬ. Про Навального – все, кто был рядом с ним, правой рукой, они... Помог? Пошёл, теперь новый жопу мне лижет. Все люди использованный материал, все новенькие рядом. Потом, свобода слова – у него 3 условных, а он за границу ездил.

РОМА. Так ему плеснули зелёной в глаз.

ТЕСТЬ. Ты не заплати налоги, тебя не выпустят, запрет на выезд. А его выпустили. Знаешь из-за чего? Потом, наше правительство, что тоже какая-то хрень там, они сидят в капкане каком-то, их вот так всех прихватили. Навальный для них как бы ну вот запретный плод.

РОМА. Да плевать на Навального.

ТЕСТЬ. Ром, ты хочешь, чтобы тебя первого скинули с иномарки? Они не глянут – скинут. А наш дом увидят – и сразу нагнут, да вы чё! Скажут – охерел! И наших детей. А мы встаём в 5 утра каждый день, берем кредиты, мы за них горим, а всем будет плевать. Я не против сменить Путина и все его окружение, но некому, нет альтернативы. Я недоволен этими разбитыми дорогами, очень многим. Но понял одно – не могу победить эту систему. Надо заработать денег, делать заочки в разных странах, и семья – спасать, контролировать. И всё. Украина, Майдан, и кто у власти сидит? Вообще, блин. И у нас также может быть. Блин, не трогают нас никто – слава господи, потихонечку сами выкрутимся.

РОМА. Мы стадо?

ТЕСТЬ. Нет, мы не смиряемся, у нас есть цель – обеспечить свою семью.

ТЁЩА. А я против сменить Путина. Я вижу, что он делает со стороны нравственности.

ТЕСТЬ. Если бы он не ходил в монастыри, ты бы...

ТЁЩА. При чём тут монастыри - он не пускает в страну гомиков.

РОМА. А вы любите артиста Мэ?

ТЁЩА. А вот это ложь. Он написал опровержение. Как и про Чайковского говорили. Он никогда в жизни не был голубым!

ТЕСТЬ. Юль, мы не знаем, кем он был.

ТЁЩА. Его письма опубликованы, и там он пишет прямо. Это миф!

ТЕСТЬ. Да не надо про геев, какая разница...

ТЁЩА. Путин не пускает геев.

ТЕСТЬ. Каких геев? Нам своих хватает.

ТЁЩА. Парады не пускает, и браки не пускает!

ТЕСТЬ. И что, ты приезжаешь в Париж, и там все геи?

ТЁЩА. Рекламы этой нет у нас, как в Европе, гейской.

ТЕСТЬ. Так, всё, хватит про это.

РОМА. А вот патриарх наш – откуда столько бабла?

ТЕСТЬ. Дарят. Поверь, все хотят подарить им – и Медведеву с Путиным – от души подарить всё. Вообще, всё. И патриарх – ну подарили человеку часы, машину – он и не знает, сколько это стоит, ему без разницы такие мирские вещи.

РОМА. Врут нам...

ТЕСТЬ. Путин неплохо огрызается на публике, приятно посмотреть, если ты поднимешь старые ролики с Ельцином, немножко не то.

ТЁЩА. Саш, можно я почитаю опровержение артиста Мэ? И покажу его встречу со старцем, который в жизни не стал бы с ним встречаться, если бы... он прозорливый! Насквозь видит!

ТЕСТЬ. Христос с разными больными встречался...

ТЁЩА. Нет, старец не стал бы, знаешь...

ТЕСТЬ. Да мне похеру до этого Мэ – гей он или не гей!

ТЁЩА. Так вот, он опровержение пишет. “Оставьте меня в покое.” Если мы лично не знаем, то...

РОМА. Ха! Я знаю людей, которые...

ТЕСТЬ. Ведь он когда порвет свой ботинок, Путин, он же придет ко мне в магазин. Купит у меня новые ботинки. Да на хер надо, пусть они воруют. Нам их надо только жалеть.

5.

РОМА. Начнём с того, что меня бесит всё. Вообще всё. Люди наши постоянно бросают кости куриные в окно. У меня собака всё время жрала эти сраные кости. Так они и живут. Не понимают, как это построить мусороперерабатывающий завод, который даст тебе прибыль через 25 лет – у него нет этих 15 лет, ему надо хапнуть и бежать сейчас. Текст Жириновского – присяга гражданина РФ. Это же уму непостижимо. Мои друзья-ровесники – они вообще аполитичны, потому что они херашат как проклятые. Один хороший менеджер, как бы там, директор, ну, знаешь, штук 200 он получает в месяц. Он живет по лекалам: дом за городом, себе тачку, жене тачку, собаку алабая, 2 детей. Мечты его: квартиру построить, купить пятерку бмв. Купит в 40 лет и сдохнет от инфаркта. Другой, Ромик, где-то в порту работает, 2 магазинчика финских товаров, нелегально. И вот они живут, и они как бы патриоты. И чего конкретно они патриоты?

6.

Детский сад, Маша и Рома у секретаря заведующей.

СЕКРЕТАРЬ. Вот с этой бумажкой вы идёте либо сегодня до пяти, либо в понедельник в 111 кабинет, и просите выписать направление.

МАША. В администрацию?

СЕКРЕТАРЬ. Да, в администрацию на Германова.

МАША. Опять! Там сейчас такие же очереди, не знаете?

СЕКРЕТАРЬ. Меньше, там все прошли уже. Именно к Лебедеву идёте. И говорите, что на основании вот этого, и вам выдают новое направление.

МАША. Нас как бы зачислят, да?

СЕКРЕТАРЬ. Да, поэтому выдаётся копия приказа, чтобы временно зачислены были.

РОМА. Я, вот, задавал такой вопрос уже, но всё-таки, я по поводу того, что ребёнок очень мало потребляет мяса, вот, есть ли какой-то выход и консенсус вообще с детским садиком?

СЕКРЕТАРЬ. У нас меню, оно разработано для всех стандартно. Если кому-то что-то нельзя, врач пишет заключение и после справки эти как бы продукты не даются.

РОМА. То есть, убеждения не считаются?

СЕКРЕТАРЬ. Нет. К сожалению, нет. По меню – это только в платном садике, к сожалению, у нас это не предусмотрено. По правилам Санпина мы должны ребенку всё, что есть, давать. Единственное, что могу вас, я не знаю, порадовать или огорчить – мяса вообще не так много. Мясо даётся в виде котлеты, даётся в виде рулета, она может просто это не есть.

РОМА. Ну она же мелкая, она же, конечно, не понимает.

МАША. Да она всё понимает уже.

СЕКРЕТАРЬ. Кура со следующего года.

РОМА. Ну просто, понимаете, бабушка и мама иногда подкармливают ребенка, потому что думают, что он умрёт без мяса, ну всё равно так хочется привести к чему-то...

СЕКРЕТАРЬ. Ну это, к сожалению, больше в старшем возрасте, чем в младшем. По медицинским показаниям считается, что ребенку мясо необходимо. Но его немного по граммам, так что вы не расстраивайтесь.

РОМА. Это утешает. Ладно, спасибо огромное.

7.

Рома и Маша пришли поздно вечером домой после кинотеатра (смотрели "Нелюбовь" Звягинцева), Аглаша гостит у бабушки, сидят на кухне и едят.

РОМА. Я просто не понимаю, эээээ, не понимаю, ты защищаешь маму или ругаешь?

МАША. Все женщины защищают своих матерей. И не только женщины – все защищают своих матерей. Какими бы тварями те не были. Надо принять и уважать.

РОМА. Подожди, какой здравый смысл? Вот она не любит свою мать, и при этом её защищает. У тебя большие проблемы с твоей матерью – ты видишь все её недостатки, всю эту хрень, но при этом ты защищаешь и готова разорвать меня на куски.

МАША. Это моя мама.

РОМА. И чё?

МАША. И чё?

РОМА. Ну это же отдельный человек, это не моя мама.

МАША. Ну это уже от тебя зависит, как ты к ней относишься.

РОМА. То есть, надо тупо молчать?

МАША. Не говорить того, что ей неприятно.

РОМА. Мммм... то есть не говорить на эту тему? Тупо игнорировать?

МАША. Что?

РОМА. Ну, говорить правду.

МАША. Не надо говорить правду, я её знаю, я не debil.

РОМА. Либо что?

МАША. Ты очень часто говоришь «твоя мамаша» - в пренебрежительном тоне.

РОМА. Не в пренебрежительном, а в ироничном...

МАША. Мне это неприятно.

РОМА. Ирония – это же...

МАША. Это моя мама, мне это неприятно, пять лет говорю тебе, что мне это неприятно, сложно понять?

РОМА. Слушай, ну я полтора года не ездил к твоей... маме.

МАША. Скажи, тебя неплохо приняли спустя год твоего отсутствия в моей жизни?

РОМА. Чудесно.

МАША. И потраченные 120 тысяч.

РОМА. Это вообще не моя проблема.

МАША. Опять не твоя проблема?

РОМА. Ладно, давай не будем на эту тему.

МАША. Не сомневаюсь, что ты ещё раз со мной так поступишь.

РОМА. Как?

МАША. Я живу со змеей.

РОМА. Со змеей?

МАША. Я ничего про тебя не знаю.

РОМА. Что значит, ты ничего про меня не знаешь?

МАША. Я знаю, что ты можешь поступить со мной очень плохо – вот, что я знаю. Ладно, я вернулась к тебе. Теперь хочу убедиться, что этого больше не повторится.

РОМА. Блин, как можно убедиться вообще в чём-то в будущем? Это же будущее – оно неизвестно.

МАША. Ты можешь гарантировать, что ты будешь расставаться со мной честно?

РОМА. Что значит – гарантировать?

МАША. Я уверена, что так тебя не смогу бросить никогда. Так, как ты. Так цинично, резко и грубо.

РОМА. Цинично, резко и грубо?

МАША. Ты будешь ждать меня с Аглашей и с ремонтом на кухне, а я приеду и даже не поздороваюсь с тобой, а про ремонт проматерюсь. Потом возьму ребёнка и поеду на дачу с ней и со своим новым любовником. А потом не буду приходить по ночам и скажу – мы же расстались, я же написала тебе, мы взрослые люди.

РОМА. Ты же не хотела есть на ночь.

МАША. У меня стресс.

РОМА. Звягинцев, сука.

8.

На следующее утро.

РОМА. Ну что, отдыхать едем?

МАША. У тебя же денег нет.
РОМА. Найду.
МАША. Найдёшь – тогда едем.
РОМА. Или мне тоже с вами в Туапсе махнуть?
МАША. Я там работать буду, это не отпуск.
РОМА. Ты будешь работать, а мы с мамой и Аглашей отдыхать.
МАША. Я бы лучше в августе куда-то поехала. Для этого визы надо делать.
РОМА. Денег нет.
МАША. Ты же найдёшь.
РОМА. Если найду.
МАША. Бесит.
РОМА. Выходи.
МАША. Замуж?
РОМА. Ну это уж как...
МАША. Предложение делаешь?
РОМА. Едь, давай, на работу. Тебе пора.
МАША. Как хорошо с тобой.
РОМА. Почему с иронией?
МАША. Так что делаем? Подаём на визу?
РОМА. Подумаем.
МАША. Хлопай ресницами и взлетай.

Маша уходит на работу. Рома слушает трек Эминема «Rap god».

9.

Рома разговаривает с папой по скайпу.

РОМА. Хотел денег у тебя просить. Не себе – Аглаше. На летний отдых. Лагерь на Чёрном море. Я рассказывал же?
ПАПА. Про лагерь ты мне не рассказывал.
РОМА. Суть в том, что, короче, Маша едет туда работать, и они договорились, что за небольшие денежки мама и Аглаша тоже поедут.
ПАПА. И что, не получается?
РОМА. Ну не то что не получается, просто жестоко, сука, прокинули. Сейчас уже Маша собралась оттуда увольняться. Не едут они никуда. Я к этому абсолютно не готов, в смысле денег, меня просто чпокнули, в смысле Аглаши. Потому что билетов нету, ни хера нету, виз нету, просто ни хера нету. Сейчас я изучу, короче, всякие там варианты. Поэтому спрашиваю тебя: чё, подкинешь 500 евро Аглаше на отдых?
ПАПА. Хорошая идея – 500 евро подкинуть на отпуск, это хорошая идея.
РОМА. Ну это не мне, не мне, я, видимо, пролечу с отпуском, потому что, ну блин, весь расчет был на то, что Аглаша с мамой достаточно бюджетно впишутся в маленькие деньги. Вот. Поскольку Аглаша на первом месте, видимо, придётся отдыхать мне в Ленобласти на даче. Ну это блядство натурально, просто блядство, чё я могу сделать. Ну нет, смотри, если не можешь, если у тебя проблемы с финансами, то хрен с ним, ну чё-нить там буду думать. Ну, видишь, я-то ещё рассчитывал на страховку за свою машину. Вот, ну там тоже всё непонятно ни хера. Двадцать первого суд, либо мне дадут всё-таки денег, либо снова на два месяца продлят. Россия,

щедрая душа, год не могу получить бабла. Вот, в общем, такие дела, собственно говоря.

ПАПА. Понятно.

РОМА. С Испанией я думал, что, может быть, куда-нибудь, как-нибудь, искал варианты, сейчас пока не понимаю, что происходит.

ПАПА. Хорошо, я подумаю, посмотрим.

РОМА. Не, смотри, если тебе реально это не напряжно, если напряжно, ну тогда как бы хрен с ним, тогда я сам разберусь. Вот.

ПАПА. Я посмотрю, подумаю, как мне это сделать, так чтоб всем было уютно.

РОМА. Хорошо.

ПАПА. У меня есть приятель здесь. У него там серьёзные медицинские связи в городе Ленинграде. Я ему сказал, что у Аглаши плоскостопие, он сказал, что есть врачи, помогут. Обещал найти клинику и доктора.

РОМА. Да? У нас вообще хороший ортопед, мы там делаем... Просто она мелкая, понимаешь, ещё вот она мне сказала купить беговел.

ПАПА. Не так много времени у неё осталось на исправление всей этой фигни. На самом деле. Поэтому я не думаю, что следует от чего-то отказываться.

РОМА. Нет-нет, отказываться не буду.

ПАПА. А что это у нас там, татуировки на руках?

РОМА. Да, набил.

ПАПА. Совсем крышей поехал?

РОМА. Я не сомневался, что ты оценишь. Смотри.

ПАПА. Какая гадость.

РОМА. Почему?

ПАПА. Ну потому что гадость.

РОМА. Ну хоть одну вескую причину назови.

ПАПА. Потому что это гадость в принципе.

РОМА. Блин, ну ладно.

ПАПА. Любая татуировка – это гадость. Короче, гадость, надеюсь, это первая и последняя.

РОМА. Короче, не думаю, что буду забиваться вообще в хлам, но я давно очень хотел. Много лет ходил думал. Понятно, ха-ха, короче я не сомневался, что ты, я прям знал, что ты скажешь слово в слово. Не ну ты ещё как-то мягко.

ПАПА. А что я тебе должен был сказать – ты уже сделал, уже глупость сделал. Что ещё?

РОМА. Она крутая, все говорят, что...

ПАПА. Какая она на хер крутая? говно, грязная рука. Рука, которую теперь не отмоешь. Что это? Нормальные люди этого не делают, понимаешь? это убогие, удел убогих. Хотел услышать – слушай. Это удел убогих.

РОМА. Почему? Я не могу всё никак понять.

ПАПА. Чё тут понимать? Это удел убогих, вот и всё, мне больше по этому поводу сказать нечего. Это пиздец. Что ещё? Ещё что-нибудь сказать? У меня нет слов.

РОМА. Ааааа

ПАПА. Да.

РОМА. Это, вот, как-то, вот...

ПАПА. Да-да-да, это так!

РОМА. Хорошо, это всё эмоции, я хочу услышать...

ПАПА. Это не эмоции, понимаешь, это глупость, это глупость!

РОМА. Почему глупость?

ПАПА. Потому что это глупость! Ты что негр сраный из Африки или ты индеец, блядь, 2000 лет назад, ты кто вообще, из какого ты города, ты где родился?

РОМА. Я полукровка.

ПАПА. Ты где родился?

РОМА. В Санкт-Петербурге.

ПАПА. Хорошо, что не в деревне, но, блядь, это не мешает быть идиотом. Это пиздец, понимаешь, вот у меня нет других слов. Всё, давай, пока, я тебе скажу, когда... я тебе скажу, короче. Всё, давай.

РОМА. Давай.

10.

Рома и мама едут на дачу на машине, Рома за рулём.

МАМА. Ну вот посмотри, что хочу сказать – Юлия Александровна - они на тебя зла не стали держать.

РОМА. За что?

МАМА. Ну за то, что вы с Машей как бы разбежались, и как-то у вас была такая ситуация.

РОМА. А я ничего плохого не сделал.

МАМА. Понятно. Но она Машина мать.

РОМА. Я же ничего не сделал криминального. За что на меня зло держать? Расстались, потому что пришёл момент такой, так было лучше всем. Вот и всё. Сейчас решили ещё раз попробовать. За что, как бы, зло держать?

МАМА. Ну всякое бывает.

РОМА. Ну, мам, они пусть квартиру лучше ей отдадут.

МАМА. Ой, и ты будешь в той квартире жить?

РОМА. Посмотрим. Да, и мне всё равно, что они там обо мне думают.

МАМА. Тебя хорошо принимают в доме.

РОМА. Ты знаешь, никак, мы разговариваем, я их злю чуть-чуть и всё.

МАМА. Ну и зачем ты это делаешь?

РОМА. Забавы ради.

11.

Рома в гостях у соседей на даче, пьют пиво с другом и его мамой Ниной. Игрет трек Агаты Кристи «Гетеросексуалист».

ДРУГ. Правильно забрали, по мне так правильно забрали.

НИНА. Ибо нефиг.

ДРУГ. Смысл какой вот ты объясни, смысл какой, вот, ходить? С чем они пошли? Зачем они пошли?

РОМА. Их просто достало это всё.

НИНА. А что изменить можно вообще?

ДРУГ. Что достало? Конкретно?

РОМА. Наглость, с которой, то есть раньше если они хотя бы делали вид, что они борются, да, ну хотя бы борются с чем-то, то сейчас они перестали вообще это делать и сказали: сидите и не вякайте. И молодёжь, школьников это реально достало.

НИНА. Так это система, как ты сможешь, один, один человек не сможет ничего сделать. Это уже всё!

ДРУГ. Да, это система.

НИНА. Это система.

РОМА. Это система, так как, надо же бороться как-то.

НИНА. Один человек не может ничего сделать.

РОМА. Почему один? Выходят те, кто сидит, те, кто не смотрит телевизор.

ДРУГ. Я не смотрю ни телевизор, ни фейсбук.

РОМА. Вышло 150 тыс чел по всей стране, в следующий раз выйдет миллион, понятно, что их будут бить, будут сажать.

ДРУГ. Да никто их не будет сажать. Подзакроют их всех и всё, не будут афишировать, не это самое. А будут много понтоваться – заблокируют их фб. Всё.

РОМА. То есть, ты думаешь, что вообще всё бесполезно?

ДРУГ. Да бесполезняк, ну Вова пришёл, Вова гэбэшник.

РОМА. Так а чё делать-то?

ДРУГ. Да ничё не делать, ты определись сначала, чё ты хочешь, и вся страна – чё она хочет.

РОМА. Я хочу сменяемости власти.

ДРУГ. Зачем?

НИНА. А кого ты поставишь? Кто может прийти?

РОМА. Плевать.

ДРУГ. Вооооот, ха-ха!

НИНА. Плевать? Всё, тогда мы будем вообще в жопе такой!

ДРУГ. Тогда мы всё разрушим вообще, это коммунизм!

НИНА. Это уже было 70 лет назад, это мы проходили.

РОМА. Кто-то найдётся, свято место пусто не бывает. Навальный, конечно, не суперкандидат, но в данном случае...

ДРУГ. Навальный? Вот его я бы вообще не хотел. Я хочу, честно говоря, чтоб его посадили.

РОМА. За что?

ДРУГ. Да просто так, чтоб его не было, слишком много выпендривается.

РОМА. Блин, но он хоть...

ДРУГ. Смуту сеет. Хочет, чтоб был переворот. А дальше что? Как у хохлов – переворот. А дальше что?

РОМА. Безвизовый въезд в Европу.

ДРУГ. Да на фиг тебе эта Европа? Тебе её так мало что ли? Ты не можешь и так что ли туда съездить?

НИНА. А тебе не противно, что они нас обсирают?

ДРУГ. Тебе надо, чтобы эта вся гопота сюда ехала?

РОМА. Кто русских обсирает?

НИНА. Ты еврей, тебе всё равно.

РОМА. Да кто? Кто?

НИНА. Да вся Европа. Они все против нас, весь мир.

РОМА. Да почему? Кто против нас? Кто вам сказал? Вы когда были в Греции недавно, в Израиле, вы там такое видели? Вас там обсирали на каждом шагу?

НИНА. Да нет, не обсирали, облизывали. Но мы ехали за свои деньги.

РОМА. Воот, так а я был в Грузии, в прошлом году всю объездил. Везде с распростертыми объяттями – политика, херлитика. Ну вы понимаете, что это пропаганда?

НИНА. А зачем тогда всё? Зачем нам мозги засирают?

РОМА. Потому что это пропаганда, на этом третий рейх строили – на врагах.

ДРУГ. Не, третий рейх строился на другом. Ну у третьего рейха враги были все, и у нас сейчас тоже везде враги, в принципе.

НИНА. Так, значит, всем это выгодно?

РОМА. Конечно, выгодно, это Советский союз. Мы не ушли от него.

НИНА. А, то есть, мы возвращаемся в Советский союз.

РОМА. Мы от него и не уходили.

ДРУГ. По мне, так вообще бы железный занавес был бы – вообще.

РОМА. Ну вы ваще, ребята, ну что с вами? В итоге это репрессии.

ДРУГ. Давай уже о машинах погорим и о бабах.

РОМА. По поводу свободы – дело не в визах...

ДРУГ. Свободы никогда не было.

РОМА. Я, например, не очень хочу, чтобы Аглаша жрала в детском садике всякую дрянь мясную. Ладно бы очень хорошо кормили. А в Европе можно сказать: я не хочу, чтобы моего ребёнка кормили всякой дрянью.

ДРУГ. Это бред.

НИНА. А почему вы ребёнка лишаете мяса?

РОМА. Вы крестили своего ребёнка?

ДРУГ. Да.

РОМА. А почему вы лишаете его свободы вероисповедания? То же самое. Вы считаете, так правильно, я считаю, так правильно.

ДРУГ. Вероисповедание – это другое совсем.

РОМА. Как другое? Это право выбора.

НИНА. Ну, вырастет, скажет: не хочу вашего Иисуса, буду верить в Аллаха.

РОМА. Ага, вырастет и скажет: хочу жрать коров.

ДРУГ. По большому счёту, мы нехреново живём.

РОМА. Ну как нехреново?

ДРУГ. В том смысле, что хреново.

НИНА. Бывало хуже.

РОМА. Вот именно. Часто слышу – бывало хуже. Мы с чем сравниваем-то?

ДРУГ. Каждый день ругаем тех, кто оказался выше, что они воруют или ещё что-то такое. Каждый, оказавшись на его месте, делал бы то же самое.

РОМА. Вот ты реально хороший специалист, ты много работаешь. Но фактически ты выживаешь. И это неправильно.

ДРУГ. Я выживаю, да, ну а что? Что мне сделать? Вы сами перевернули в 90-х годах, решили устроить демократию. Перевернули строй, у нас да было хреново в какой-то степени, где-то что-то не хватало, зато был социальный пакет, зато все хотели, блядь, свободы как Америка, вот и всё. Они Америку получили и всосали очень низко и глубоко. Вот сейчас мы это расхлёбываем, наше поколение, потому что они там возле Белого дома под

танки ложились, а кому это надо? Вот и всё. Или я не прав? Но мне при СССР было очень неплохо по большому счёту. Меня учили, я учился в училище, я знал, что отучусь в школе, пойду в училище, потом точно место работы будет, будет профессия, зарплата, соцпакет. Как только свершилась эта наша грёбаная революция, я после училища кем стал? Я получил профессию, но нагибайтесь пониже, будет репетиция, кто у нас победил – Чубайс. Я тогда ступил на самом деле, были варианты, надо было заниматься, влезать, но этот юношеский максимализм... Деньги есть – и гуляй, рванина.

РОМА. Сбили тебя с пути.

ДРУГ. Не сбили, я ни о чём не жалею, ни о чём, жил как хотел, даже участок появился. Вот и вся канитель. Вот и вся политика. А сейчас мы выживаем, вот мама всю жизнь работала на государство, сейчас она 6 рублей пенсии получает, ну и кому она нужна?

РОМА. Так обидно.

ДРУГ. Так а кто виноват-то? Те, кто кричал «Давайте нам демократию и свободу!»? Вот вам свобода – жрите её ложками. Пожалуйста.

РОМА. Слушай, так или иначе, если ничего не делать – так тоже нельзя.

ДРУГ. Почему не делать?

РОМА. Я ходил на митинг, меня не забрали, мне повезло.

ДРУГ. Я не ходил на митинг. И не буду ходить. Потому что мне фиолетово. Я знаю, что придут силовики. То, что Вова там сверху разрешит... У нас пытался собраться митинг дальнбойщиков после «Платона». У нас даже митинга не получилось. Вообще ничего не получилось. Просто на стоянке собралось 10 человек, потом ещё подъехали ребята. Собралось в районе 50-60 человек водил, просто так, стояли в кучке и разговаривали. Приехали менты. «Доброго здоровья, ребята, разойдитесь». «Почему мы должны?» «А потому что разойдитесь. А у нас недовольство. Приехал начальник ментов – хотите ОМОНа, будет вам ОМОН». Вот и всё. У нас, если мы с тобой соберёмся – решу я на узике подъехать к Дворцовой площади, ты на УАЗике подъедешь, ещё кто-то, и мы выйдем экипажами, встанет и будем разговаривать, то милиция нас разгонит – потому что с разговорами это будет митинг, несанкционированный, сборище людей. Они боятся людей, сборищ. Революций боятся.

НИНА. Говорили, наша Земля налетит, там, на что-то.

ДРУГ. Ну и хрен с ней, пусть налетит, прилетит. Пусть все сдохнут.

НИНА. И они ищут, как нас спасти, чтобы мы рыли тоннели.

РОМА. А вы знаете, что америкосы климатическим оружием нас душат?

НИНА. Да, это я часто слышу – в транспорте, везде.

РОМА. А многие верят же, пропаганда, что реально нас душат.

НИНА. Да, я всё смотрю, шутят что ли, но нет, так и говорят: это нас американцы уморить хотят.

ДРУГ. Чтобы у нас лета не было, чтобы мы в отпуск пойти нормально не могли.

НИНА. Это всё виноваты они.

ДРУГ. А кто виноват?

НИНА. Так же, как и выборы этого, как его, Трампа.

ДРУГ. Путин выбрал его, и всё.

РОМА. Всех патриотов я посылаю в Крым.

ДРУГ. В Крыму всё хорошо, Крым наш.

РОМА. Вы знаете, я финскую визу делал, там чё-то никакого патриотизма в посольстве – все ломятся в Финляндию. Визы делают нам месяц. Чё-то никто не хочет в Крым. И тёща моя с тестем тоже не в Крым поехали, а в Испанию на 2 месяца отдыхать.

НИНА. А как зазывают! Какая реклама – все в Крым, в Крым!

ДРУГ. Ну ты ж узнала, сколько тебе стоит в Крым съездить?

НИНА. Сто тысяч если с ребёнком на 10 дней. И говорит мне эта девушка из агентства: «Ну это же немного». Я говорю: «Аааааа, ну спасибо большое, вы действительно меня очень удивили, так дешёво». Я попросила недорого. И она мне Крым. Сто тысяч – это скромно. А если пошиковать – то тыщ 300, там пять звёзд.

РОМА. Триста? Ммммм.

ДРУГ. У тебя, видишь, выбор: 10 дней в Крыму или можешь Жигули купить себе.

12.

Рома, мама и Маша у себя на даче. Играет трек “Я не сдамся без боя” Океан Эльзы.

РОМА. Mam, ты не думала уехать в Европу жить?

МАМА. Так а кто меня взял-то? Я стояла в очереди, но мне сказали, что если я русская, я не могу уехать с сыном-евреем.

МАША. Куда вы в очереди стояли?

МАМА. В Германское консульство. Ходила даже на приём.

МАША. Вы хотели к Роминому отцу приехать?

МАМА. Я хотела вообще уехать. Рома ещё маленький был, лет 14.

РОМА. Как 14? В 97-м?

МАМА. Да, там ещё программа была.

РОМА. Не понял, как так, тебе сказали, ты русская, значит, мы с сыном-евреем не выпустим?

МАМА. Да, он только может эмигрировать, я нет. Но так как ты несовершеннолетний...

РОМА. То и я не могу эмигрировать. Да?

МАМА. Да, а в 18 лет ты бы мог эмигрировать и взять меня с собой.

РОМА. Серьёзно? А чё я не эмигрировал?

МАША. Зато не было бы Аглаши.

МАМА. А я не знаю. Ты уже поступил в академию в семнадцать.

РОМА. Ну да. А ты почему хотела эмигрировать? Достало всё?

МАМА. В принципе, мы же голодали, мы как жили-то? На работу не устроится.

МАША. А когда бы вы туда приехали, вы бы на что жили?

РОМА. Да там на социалку можно было лучше жить, чем здесь и сейчас пенсионеры живут.

МАМА. Вот именно. Маш, ты понимаешь, мы же так голодали, меня никто не брал уже в сорок лет на работу, это был такой кошмар. Для того, чтобы мне съездить было к Роме в лагерь и что-то ему купить, я ехала к Людмиле Ильиничне окна мыла, и они мне давали деньги, я ему покупала печенье, там, ветчину, ну что-то такое вот, везла в лагерь. Они и так давали.

РОМА. Это жена моего деда. Мой дед не пошевелился бы никогда сам. Как и отец. А жена у него хорошая, хоть и не родная мне бабка.

МАМА. Да, это благодаря ей, это она, очень сердобольная женщина.

РОМА. А я очень хорошо помню, как мы брали у них эти, шмотки, помнишь?

МАМА. Да, а потом она меня...

РОМА. Короче, китайцы платили нашему химзаводу.

МАМА. Бартер, бартер.

РОМА. Представляешь, мой дед строил им химические заводы, и они часть денег отдавали шмотками. Хорошими, не эти барахло.

МАМА. Отличными, да.

РОМА. И мы с мамой ездили...

МАМА. С мамой! Это мама тягала такие тюки!

РОМА. Ну я помогал как мог, чё ты. Что мог, сумка была больше меня в два раза!

МАМА. Ну всё равно...

РОМА. И с наценкой потом банчили около санатория «Репино», в «Дюнах», ещё где-то. Это было моё детство.

МАМА. Это для того, чтобы купить маленький кусочек колбаски или кусочек сыра – для нас сыр был просто ну, ну это вообще, вот я должна была отстоять, продать там эти полотенца, ещё что-то, там всё это.

РОМА. Я помню кроссы были там ничё.

МАМА. Полотенца до сих пор у меня, очень хорошие, махровые. Шубы.

РОМА. Я помню! Шубы таскали летом продавали! Ха-ха! Точно! Знаешь, как я хорошо смотрелся? В шубе летом. В санатории «Комарово».

МАМА. Собачья шуба.

РОМА. Точно, рыжие такие собачьи.

МАМА. Рыжие.

РОМА. Они же до сих пор, суки, собак жрут.

МАМА. Нет, запрещено.

РОМА. В смысле? Жрут только так! Вообще, были весёлые времена.

МАМА. Да какие весёлые, это был кошмар. Ужас, как мы жили.

РОМА. Я кстати, отцу написал, что мне не нужно 500 евро, знаешь, он не ответил ничё, ха-ха.

МАША. Я думаю, он даже не понял, для него разговаривать так норма. Ну, по поводу татуировки.

РОМА. Что норма?

МАША. Ну так разговаривать грубо.

РОМА. Нет, это для него не норма, на самом деле. Я с ним не раз говорил, чтобы он всё-таки как-то следил за собой. Нет, ну написал бы хоть как-то: ок, не бери, молодец, что разберёшься, я горжусь тобой, сын, тебе тридцать четыре, и ты не берешь у меня деньги. Ха-ха!

МАМА. И при этом спросил бы – ну как там Аглашенька?

РОМА. Вообще-то, он сам предлагал бабла дать на её день рождения. Спрашивал, сколько тебе надо? Я говорил, чем больше – тем лучше.

МАМА. Не ну хотя бы ребёнка бы отправить бы, хотя бы 20 тыс дал, хотя бы 20 тыс. Это сколько евро?

РОМА. Немного.

МАМА. Ну, хотя бы это.

РОМА. 500 евро – это 33 тыщи сейчас. Вы чё, жалеете все денег?

МАША. Конечно! Я считаю, что у твоего отца деньги надо брать. И чем больше, тем лучше. Сколько даёт, столько и бери.

МАМА. Ну хотя бы 20 тыс, правда?

МАША. Зачем ты отказался?

МАМА. Сказал бы – дай вот, мама с Аглашей поедет.

МАША. Он же ребёнку даёт.

МАМА. Мама поедет с Аглашей.

МАША. Вообще не понимаю, у нас проблемы с деньгами, ты отказываешься.

РОМА. Так, девочки.

МАША. Чё девочки-то?

РОМА. Спокойно.

МАМА. Ну если ребёнку 20 тысяч.

МАША. Что тебе отец много дал что ли за твою жизнь? Чего-то – внимания, денег.

РОМА. Ну, он дал главное – саму жизнь. Ха-ха-ха!

МАМА. Я думаю, что он многим дал жизнь, Ром, ты просто не знаешь.

РОМА. Ха-ха!

МАША. Он сам хвастался, что у него много детей.

МАМА. Да?

РОМА. Нет, я думаю, что...

МАМА. Хвастался, правда?

РОМА. Это он понторезил перед Машкой.

МАША. Ты когда Аглашу укладывал, а мы с ним пили виски с колой у бассейна, он рассказывал, что у него много детей по всему миру.

РОМА. Он эмигрировал молодцом ещё. Я думаю, что в Испании точно есть.

МАМА. Я думаю, что если где-то есть, то только в Армении.

РОМА. Почему?

МАМА. Потому что он чурка и похож на чурок. Его везде за своего принимали. На рынок пойдёшь с ним...

РОМА. Он от этих арабов, которых он ненавидит, ничем не отличается.

МАМА. Это да.

РОМА. Сука.

МАМА. Ну ладно, Рома, он твой отец, всё. Проехали.

13.

Рома в гостях у друга Степана на Миллионной улице. Играет трек Агаты Кристи "Никогда".

РОМА. Ты простил отца своего?

СТЕПАН. Да.

РОМА. Полностью?

СТЕПАН. Да.

РОМА. Когда?

СТЕПАН. Во-первых, я не сразу осознал его вину. Во-вторых, это произошло уже когда я стал отцом. Я... у меня никогда не было в голове того факта, что уходя из этой жизни он оставил меня, а мог бы этого не делать ради меня, не ради матери, ради меня. Ну я всегда к этому поступку относился

как к болезни – он же это сделал в психиатрической клинике, в палате, на простыне повесился, и я как этому всегда относился, ну как, знаешь, как убивает человека, ну и вот болезнь его убила, а потом в какой-то момент я подумал, что может быть и нет. У меня вообще по этому поводу много мыслей в голове было, и я чуть-чуть даже маму в чём-то обвинял.

РОМА. Ну маму нельзя было не обвинять, видимо. Я тоже свою обвинял.

СТЕПАН. Я его простил. И я его очень часто вспоминаю. Не до таких психозов, что я с ним разговариваю или ещё что-то, но мечтаю очень часто, особенно после премьер каких-то, что он смотрит, как бы он отреагировал, как он вообще – мой отец даёт мне замечание после спектакля – он же режиссёр. Мне так иногда до слёз обидно, что я лишён... он меня лишил кайфа наставника, учителя.

РОМА. Да, понимаю. Я всё-таки был в бессознательном возрасте, когда отец свалил.

СТЕПАН. Сколько тебе?

РОМА. Он в 90-м уехал или в 89, ну шесть лет мне было.

СТЕПАН. Ну да, блядь.

РОМА. Ну от мамы он ушёл, считай, в мои пять. Ну, слушай, у меня всё стёрло.

СТЕПАН. Ну а ты помнишь какие-нибудь картинки?

РОМА. Картинки?

СТЕПАН. Ну с ним связанные картинки?

РОМА. Этого человека как будто нет в моей жизни в детстве. Хотя я с ним не так давно говорил, ты знаешь, он мне втирал такую хрень: да я тебя забирал, я тебя кормил, в школу водил, твоя мама работала много, а я всё делал, но почему-то у меня этого нету и моя сестра очень смеётся на этот счёт.

СТЕПАН. А она помнит?

РОМА. Ну конечно, она же на 7 лет меня старше. Она уже была подросток.

СТЕПАН. И что она говорит?

РОМА. Нет, это очень смешно. Она говорит: я его помню только лежащим на диване с газетой.

СТЕПАН. Она говорит?

РОМА. Да.

СТЕПАН. Смешно.

РОМА. Ну у меня мама была во всяких клиниках, в общем, ей тяжело давалась жизнь.

СТЕПАН. В каких клиниках?

РОМА. Нервных. Срывы, депрессии.

СТЕПАН. При отце?

РОМА. Да, а потом когда он бросил нас, так совсем там всё худо стало. Она много лет в депрессии же была.

СТЕПАН. Не знал.

РОМА. Ну, она не справилась с действительностью. И он её кинул. Хотя моя мама не сахар. Хотя, она женщина, а он мудака, вроде как. Ну такой же как и я - ну я часто об этом слышу, ха-ха, от Маши. Блин, странно, ты простил, а я не знаю. Но не держу на него злобы. Как ни странно.

СТЕПАН. Я же один раз был свидетелем, как ты разговариваешь по скайпу. Ты сказал: пап, ты говоришь, смотри, это Стёпа. Он, такой, смотрит на меня: ну и чё?

РОМА. Ха-ха! Я не помню.

СТЕПАН. Это было в твоей квартире на Ветеранов.

РОМА. Только я не говорил «пап», я никогда не называл его «папа», и сейчас тем более.

СТЕПАН. А как ты его называешь?

РОМА. А как-как, ну так. Никак.

СТЕПАН. Вот этого не помню, помню, как ты разворачиваешь ноут-бук ещё тот старый.

РОМА. Мы пили с тобой?

СТЕПАН. Наверное. На меня и говоришь: «Ну вот это Стёпа, он мой друг», а он: «Ну и чё?» И смотрит на меня. Я, такой: «Здрасти».

РОМА. Ну вот такой.

СТЕПАН. У тебя есть невероятный подарок судьбы, просто видеть, как он выглядит, твой отец. Я не знаю, как бы выглядел мой, но как бы чувствую в себе его на самом деле. Это странное такое ощущение. Я чувствую в себе его лицо. Мы с ним не похожи, но иногда смотрю просто куда-то и вспоминаю, что отец так же смотрел, и как будто бы лицо отца... не знаю, это такая метафизика, сложно объяснить что-то конкретно... Вот, видишь, эта фотография - вот именно это лицо я испытываю на себе, хотя мы не похожи. Но я помню. Его кепку эту его, кожаный плащ, белый длинный-длинный шарф, это помню. Мне бы очень хотелось, чтобы он меня поругал. Или похвалил.

РОМА. Мама вспоминает его?

СТЕПАН. Он ударил маму пару раз сильно, уже в этой квартире, мы сюда переехали в 92-м, а в 93-м он умер, тут мы полтора года жили. А 6 июля 93 года мой отец умер.

РОМА. Так сегодня день смерти твоего отца?

СТЕПАН. Да.

РОМА. Так чё мы, собственно...

СТЕПАН. Вот сегодя утром проснулся и об этом думал, у меня это в голове есть. Но мне не то что больно или что-то, нет, я просто знаю, что это произошло сегодня 24 года назад.

РОМА. Ну знаешь у меня хоть отец жив, но, честно скажу, эмоций почти столько же. Что физическое тело есть. Которое мне иногда помогает финансово. Помогало. Помогал.

СТЕПАН. У меня много одноклассников было, у которых отцы бухали, и они мне открытым текстом говорили: я ненавижу своего отца. Я его, блядь, убить хочу. А я всегда думал: ну как так? Не мог понять и до сих пор не могу. Как можно... я нет, я не к тому, что тебя не понимаю, нет, понимаю и, возможно, твой отец поступил с вами ещё более эгоистично, чем мой.

РОМА. Ведь он уехал, зная, какая здесь жизнь в начале 90-х годов. Зная, что у мамы нету работы, что здесь, ну, как бы вообще... и он ничего не делал.

СТЕПАН. Первые годы?

РОМА. Он на самом деле никогда ничего не делал, я тебе говорю, это очень странно, я могу отдать ему должное, когда были критические моменты иногда присылал что-то, в 90-е годы у меня рюкзаки были самые крутые в

школе, я был самый нищий, но рюкзак у меня был самый крутой, потому что мне присылали. Куртка, кеды – такое, блядь, что в школе все о-о-о-о-о ничёсе, вот, ну на этом как бы всё, ну 2 палки салями, знаешь, поэтому у меня к салями особое отношение.

СТЕПАН. Особо положительное или негативное?

РОМА. Особо положительное, потому что это было, поверь... Никто не думал о боге, но когда я видел эту колбасу, я предвкушал такой катарсис, такой взлёт, полёт души. Парадокс: он никогда не предлагал помощи сам.

СТЕПАН. Его надо было просить?

РОМА. Да, я просил до какого-то времени... Я у него давно не просил денег. Когда поступил в институт, с ним мама говорила. Вот в институте, когда у меня оторвался мениск первый, вот тогда я позвонил и попросил денег, потому что мне нужно было сделать операцию, а у нас не было денег.

СТЕПАН. Дал?

РОМА. Ну дал, конечно. Слушай, это тогда сколько – 300, что ли, долларов, 350 - я не помню, сколько тогда, короче, у меня стипендия была чё-то там 70 руб, а операция стоила 9 тыщ, а у меня стипуха 70 рэ, в 2001 году. Или во втором. А сейчас я взрослый дядя. И снова тут недавно попросил 500 для Аглаши. И он дал.

СТЕПАН. Подожди, ты взял эти деньги?

РОМА. Сейчас? Нет. Я ему сказал: мне это не нужно.

СТЕПАН. И как он на это отреагировал?

РОМА. А никак.

СТЕПАН. Ничего не ответил?

РОМА. Позвонил недавно, сказал: тут едет человек, чё Аглаше вещей надо каких-нить? Первый раз.

СТЕПАН. Сам?

РОМА. Ну на рождение Аглаши в прошлом году он нас пригласил в Берлин, и мы оттуда сгоняли в Испанию на неделю в Майорку, вот это он всё пробашлял. Сам. Ну он очень хотел на неё посмотреть просто.

СТЕПАН. На Аглашу.

РОМА. Да.

СТЕПАН. Она порадовала его?

РОМА. Ну порадовала, и сейчас по скайпу его очень радует, но у него есть 2 других внука, которых он растит, неродных, поэтому... дочь неродную вырастил. Меня вот это задевает больше всего, знаешь. Ну.. ну вот как человек, который меня родил, может так забивать хуй, ну как? Надо бы с ним начистоту поговорить, а с ним невозможно разговаривать. Со мной возможно, а с ним нет.

СТЕПАН. Да ему стыдно, может.

РОМА. Стыдно? За что? Я наверное наберусь всё-таки... Я просто не люблю его и... хотя иногда мне тоже не хватает... ну это уже постфактум... мне не хватает какого-то совета. Ну вот вся эта заваруха была – с Машей и всё это, мне не хватало совета. Опытного.

14.

Рома разговаривает с папой по скайпу.

РОМА. Чё, я смотрю, у вас там погодка неплохая.
ПАПА. Ну вроде ничего.
РОМА. Блин, круто. У нас-то дожди.
ПАПА. Да ладно, у нас температура сегодня 23.
РОМА. У нас 15.
ПАПА. Не ври, 21, я видел.
РОМА. Поверь на слово. Дубак. Хорошо у тебя на даче.
ПАПА. Неплохо, неплохо. Тыквы.
РОМА. Тыквы? Фантастика, немецкие тыквы.
ПАПА. Много-много-много. В сентябре будут огромные, метровые.
РОМА. И что вы будете с ними делать?
ПАПА. Лена очень любит тыквы. Ест их как ненормальная. Видишь, эти цветочки – это будущие тыквы. А там огурцы, уже сегодня первый огурец собрали. А там дальше горох, ха-ха! А это помидор, видишь, да помидоры? Какой огромный.
РОМА. У вас, вроде, не тропический климат.
ПАПА. Не тропический, но растёт всё. А это сладкий редис, называется он... забыл. Кольраби, вот. Да, этот круто. Черешня помёрзла в этом году, на хрен. А это герогины, гордость Ленина, Лены. А как тебе вот этот ромашковый куст?
РОМА. Можно продавать. Оправдаете бензин на дачу.
ПАПА. Ну, а тут крыжовник, поели уже, а вот ежевика, кстати, видно? Ещё зелёная, много-много-много, 2 сорта – колючая и не колючая. Когда спелая такая вкусная. И снова тыква. Хе-хе! Твою мать! Винограду как всегда очень много.
РОМА. Серьёзно?
ПАПА. Вон виноград, и вон. В этом году не очень много, один умный человек взял на хрен и обрезал. Надавил сок в том году, сладкий, вкусный, давил сок 4 литра худо-бедно, вручную.
РОМА. Ты теперь дипломированный дачник.
ПАПА. Ну примерно, примерно, да, тут только малинка не хочет расти, вот ягодка – мmmm вкусно!
РОМА. Чудесно. В общем, в Испанию я не приеду, планировал, но нет, не получается в этом году.
ПАПА. Ну в другой раз поедешь.
РОМА. Не знаю, вообще не получится, наверное, мне уехать никуда.
ПАПА. Денег не хватает или что?
РОМА. Но и с деньгами не очень и может, не знаю, может, будут дела, которые не позволят.
ПАПА. Дела в смысле работа?
РОМА. Ну да, да, всё расплывчато. Евро подорожал.
ПАПА. Как подорожал? Подешевел!
РОМА. На 6 рублей поднялся.
ПАПА. Рубль подорожал, а не евро.
РОМА. Он был 63, сейчас 69. Почти 70.
ПАПА. 68 с чем-то, а буквально 2 дня назад был 63.
РОМА. Ну не 2 дня назад, а месяц назад он стал расти-расти-расти, и вот.
ПАПА. Это незначительно. 6 рублей на евро – это ничего.

РОМА. Ну, знаешь, когда на отпуск тратишь 2 тыщи евро, то это уже 12 тысяч рублей.

ПАПА. Аааа.

РОМА. Ну так, чтоб ты понимал, я тебе напомним, у мамы пенсия 8 тысяч.

ПАПА. Ну, наверное, вам виднее... я даже помнить не собираюсь.

РОМА. Ясно. Чё, скажи, я пытался как-то тут дозвониться до деда, увидел их онлайн.

ПАПА. По скайпу ты до них не дозвонишься, это не серьёзно, ты можешь им позвонить только по телефону. Они скайпом не умеют пользоваться. А в компьютер он играет всё время – пасьянс раскладывает. Так что только телефон.

РОМА. У меня есть их номер. Блин, очень хочется, конечно, сгонять туда, в Майами.

ПАПА. Рома, там нечего делать по большому счёту. Туда можно сгонять с единственной целью – валяться на пляже, а если ты хочешь куда-то поехать посмотреть что-то, ничё не выйдет, потому что нужно брать машину напрокат, это дорого, они на отшибе.

РОМА. Я бы Аглашу познакомил с прадедом.

ПАПА. Ты думаешь, ему это сильно интересно? Думаю, и я, и ты ему как-то... Может, за родственников считает, а может... Не забывай, сколько ему лет, ему в общем и целом не до нас. И потом, мой папа, он не очень как тебе сказать... не самый нежный в мире человек. По отношению ко мне, к тебе. Он не тот человек, который проявляет нежность. Он не из таких. Понял?

РОМА. Я понимаю, да. Мне кажется, это у нас семейное.

ПАПА. Неправда.

РОМА. Нет? Или ты стал нежным огородником?

ПАПА. Между прочим.

РОМА. Серьёзно?

ПАПА. Да. Я всегда был нежным. Но как бы мама твоя не очень воспринимала это. Рома, мне сложно всё это, не хочу углубляться, по телефону, скайпу мне не очень уютно эту тему по этим средствам. Я мог бы тебе всё рассказать, объяснить, ты не спрашивал, я не говорил, потому что не хочу ничего плохого про кого-то говорить.

РОМА. Ладно, ладно.

ПАПА. Не вижу смысла. Да и уже времени сколько прошло. Да и раньше не надо было. Я знаю, что мама не очень хорошо рассказывала про меня, наверное. Ты когда-нибудь слышал плохое слово от меня про маму, нет, и наверное, не услышишь.

РОМА. Ну...

ПАПА. Ром, я не жалею, я просто хочу, чтобы ты... люди разные, и жизнь разная.

РОМА. Просто мы жили так когда-то, что мама имела полное право гнать на тебя.

ПАПА. Не думаю, что у неё было такое право, но она это делала, знаю, хотя делать этого не следовало. Ну вот когда приедешь – мы с тобой поговорим.

РОМА. Хорошо, пригласи нас к себе в гости с Аглашей.

ПАПА. А чего тебя приглашать, ты взял да приехал. Ты что, не сын что ли?

РОМА. Ну я ж приличный человек, надо договориться.

ПАПА. Если можешь, приезжай, конечно.

РОМА. Как определиться с работой... Я хочу на самом деле, потому что хочу, чтобы Аглаша, чтобы её круг родственников был пошире.

ПАПА. Это правильное желание, то самое желание, которого не было у твоей мамы.

РОМА. Ну я уж, прости, не склонен обвинять мою маму.

ПАПА. Я никого не обвиняю, Ром. Пойми, боже упаси. Ладно, Ром, я на улице, и тут холодно, болеть не входит в мои планы, я с тобой сегодня прощаюсь.

РОМА. Да, да. Всё, давай, пока-пока. Звони!

15.

РОМА. А первый раз в 94 году меня собрали, дед отвёз. В Питере я ел геркулес на воде и очень радовался хлебу чёрному с чесночком, лакомство это было для меня, и вот приехал в Германию и увидел эти магазины и фруктовые лавки. Не верил своим глазам. А около подъезда розы растут – и чё их никто не косит и не продаёт? И через пару дней мы пошли в открытый бассейн, просто открытый бассейн на районе, и я там перекупался. Ну просто меня продуло к чертям, я там весь день вис, я заболел. Тупо простудился, дал темпетару, не мог ничё жрать, мне было плохо. А мой дед прожил там – у своего сына - неделю и уехал, а на следующий день отец и его жена меня собрали и отправили в Питер – им казалось, что у меня стресс от переезда, так объяснили, в общем. После этого дед вообще отца возненавидел, что они меня одного больного отправили обратно, а они считали, что я начал умирать психологически.

А вторая попытка была в 97 году, мне уже 14 лет было. И вот такого дикого подростка отправили в другую страну на ПМЖ – мама совладать со мной не могла. И отец со своей женой, они реально думали, что могут на меня воздействовать. И я там 2 месяца прожил один, это было оч тяжело психологически. Я был футболист, гопник, книжки только начал читать, в школе учился плохо, мне было неинтересно. И в Германии эти два месяца я делал, что хотел. Я целыми днями катался на роликах, играл в футбол, гулял с их собакой, шлялся, тупо шлялся. Я-то здесь не сидел дома никогда – только на улице. Нас не было дома никогда, а сейчас детей реально не отпускают на улицу, говорят, узбеки-хуеки, но что в нашем дворе творилось в 90-е – это пострашнее любых узбеков, и в каждом дворе тебя могли убить, на хер. Купчино. Просто получить пиздюлей – это было буднично.

Так вот, к тому времени я занимался футболом уже 8 лет. И отец повёл меня на просмотр в какую-то хорошую немецкую команду. Я был очень уверен в себе в плане футбола. Подавал надежды. Был злой такой дрищ, на поле вообще сатана. Ну я переживал, конечно, из-за языка, а так не переживал. Помню, поразился, они все такие здоровые, жлобы такие – это точно мой год? Мы же тогда играли по годам. Я потренировался, конечно, мандраж был, но потом началась игра, меня пару раз ударили, я пару раз вмочил кому-то, искры полетели - всё очень круто, я был, сука, такой довольный! Нормально, в общем, сыграл и подумал: хей, дело сделано! А

через несколько дней отец сказал, что меня взяли не в основную команду, а, типа, в дополнительную какую-то, и, типа, на хер это надо тебе – отец говорит. И меня это раздавило. В 14 лет это был удар. Я, конечно, не пошел ни в какую вторую команду. И отец меня отправил назад через 2 месяца. Я не нашёл в себе сил в Питере вернуться в свою команду. Пошёл в другую, пытался... но появилась неуверенность, и она меня раздавила. Стал всё хуже играть. И в итоге мне сказали: ты же вообще играть не умеешь, ты говно.

А несколько лет назад мы начали вспоминать с отцом, вырулили на тему футбола, он сказал, что на самом деле меня взяли в ту команду, в основную, то есть – я прошёл. Но это было далеко от дома, и он не мог меня возить, а его жена вообще со мной не могла находиться – я, наверное, хамил.... Короче, он обманул. И он сказал это настолько в проборос. Я слушал спокойно, не показал виду, какой теперь смысл что-то ему говорить.

15.

Репетиция, на которой Рома, Степан и ещё 2 актёра.

РОМА. Стёпа, вот бери и просто уходи.

СТЕПАН (*звонит по телефону*). Алло, Илья, вот реально это всё взять и сделать? А это какая будет – латвийская виза или что? Ну тут серьёзные напряги, давай мне Ира позвонит, я всё уточню. У меня, конечно, заварушка тут начинается.

РОМА. 160 тысяч, Стёп, на кону.

СТЕПАН (*по телефону*). Да, я готов. (*кладёт трубку*) Короче, мне надо ехать за паспортом.

РОМА. Ты же звонил отказаться, Степан. Малодушие?

СТЕПАН. Ты мне сказал отказаться. А я не хотел.

РОМА. Ну я же знаю, на кого ты будешь потом всю жизнь клепать.

СТЕПАН. Ребят, у меня сегодня очень плохой день. Я вчера очень сильно замёрз, я попал под дождь и очень сильно замёрз. И поэтому сегодня вышел, вот, в тёплых этих, как урод. Вышел было очень сумрачно, серо, я подумал: ну, заебись, хорошо что куртку взял, вышел и пока шёл, чуть не сдох просто от ада, который меня настиг на канале Грибоедова, так жарко и так плохо мне никогда не было, такое ощущение, что я покрылся плёнкой. Я быстро сходил на пробы и побежал, чтобы не опоздать к вам на репетицию, забежал в «Ленту», у меня было 500 рублей, я купил себе эту хуйню, которая тут же порвалась и более того – она мне жутко мала, у меня пальцы просто очень болят теперь.

РОМА. Зато носки хорошие.

СТЕПАН. Носки чёткие. И сейчас эта хуйня мне просто....

РОМА. Стёп, ну 160 тыс предлагают.

СТЕПАН. Я поэтому звонил отказаться, сделать поступок один раз в жизни сказать «Нет!» деньгам, не получилось. Ребят, вы меня простите, но придётся ехать.

РОМА. Ты хочешь на ёлку влезть и жопу не ободрать?

СТЕПАН. Это моя главная цель в жизни.

РОМА. На репетицию забить и визу сделать. И визу ради чего – съёмки рекламы чая в Риге. Какого хера они в Риге снимают? Ты спроси их.

СТЕПАН. Спрошу.

РОМА. Это дело не одного часа: доехать до дома, взять паспорт, заполнить там всякие заявления, анкеты там всякие. Приятно так было с тобой, Степан, поработать.

СТЕПАН. А что, если мы поработаем в воскресенье?

РОМА. Так в воскресенье ты не хочешь приходить на монтировку сюда.

СТЕПАН. Я буду на полчаса позже вас.

РОМА. Конечно, конечно, бросай нас.

СТЕПАН. Блядь, ни капли сочувствия ни у кого. Всё, ребята, простите, я буду наказан за это, знаю.

РОМА. Давай хотя бы, если тебя утвердят, ты нам возместишь это?

СТЕПАН. Я готов...

РОМА. Нет, не только долг отдашь, который ты мне должен, а прилично возместишь.

СТЕПАН. А мне знаешь, сколько возмещать?

РОМА. Кого, знаешь ли, ебёт это?

СТЕПАН. Да никого не ебёт.

РОМА. Ты с репетиции уходишь, святое действие прервал.

СТЕПАН. Ребят, я вас люблю.

Степан уходит.

16.

Рома в гостях у Степана, с ними подруга Степана Алёна. Алёна пьёт вино, остальные - виски. Все курят кальян. Играет трек «Така як ты» Океан Эльзы.

СТЕПАН. Как ты там без Маши?

РОМА. Пастырь, Оставленные (2 сезона), Королева, Карточный домик.

СТЕПАН. Чего?

РОМА. Сериалы смотрю. Аглаша в Чёрном море купается каждый день, мама её плавать учит. Тёща с тестем в Испании. На всё лето. Патриоты. Настоящие, блядь. Будем из Испании любить эту страну. А я тут экономлю, скромно живу: помидорчик, у бабулек салатик с лучком, греченька, хожу в «Спар», там после 11 вечера скидка на готовую еду. Представьте, на 70 рублей покупаю полкило салата – так даже дешевле, чем просто продукты покупать. В зал хожу, наконец-то время появилось.

АЛЁНА. Качаешься?

РОМА. Грыжа, я так, на дорожке в гору хожу – нагрузочка хоть какая-то, чуть-чуть железом, там, занимаюсь, но не убиваюсь - если по-серьёзке, так надо пить белок, вес брать большой. Дорожка, чуть-чуть зал и поплавать, потом хамамчик – время не ограничено. Хорошее лето. Нет, вообще, хорошее лето, правда. Работы только нет и денег. Ну что-то мы... Давайте тему сменим. Алёна, ты напивалась когда-нибудь до глупостей?

АЛЁНА. Нет, ну просто, что ты имеешь в виду – глупости?

СТЕПАН. Вообще, слово довольно однозначное.

АЛЁНА. Глупости – это то, о чём ты жалеешь, а я не жалею ни о чём.

РОМА. Неужели ты никогда не просыпалась в какой-нибудь квартире с каким-нибудь мужиком неизвестным?

АЛЁНА. Если напивалась, то это всё, мне становилось плохо. Вырубон какой-то. Мне в какой-то момент хорошо, хорошо, хорошо, я веселюсь, курю, и когда я подхожу и говорю: мне так сейчас хорошо! Всё, через 10 минут я буду где-нибудь в туалете.

РОМА. Подожди, ты хочешь сказать, что дожила до 25 лет и никогда не напивалась и не просыпалась в чужой кровати?

АЛЁНА. Нет.

РОМА. Да ты девственна!

АЛЁНА. А кто так просыпался, мне интересно?

РОМА. Степан. Всегда просыпался.

АЛЁНА. А ты, Рома, просыпался?

РОМА. Я постоянно.

АЛЁНА. С какой-то бабой, которую не знаешь?

РОМА. Ну как не знаю, не, я не напивался до потери памяти, ну конечно, после пьянок, сколько раз, сколько чудесных мгновений. Степан тоже может рассказать.

АЛЁНА. Стёпа, расскажи.

СТЕПАН. Ты же видела, как я нажираться могу.

РОМА. Ты нажрался?

СТЕПАН. Да это вообще, у меня на самом деле такого не было уже очень давно. Стоит пикап с открытым кузовом на Фонтанке. Я залезаю туда, даю Алёне руку, мы танцуем. Вот стоило бы ему...

РОМА. На машине? Тварь. Он же тебе пиздюлей бы дал.

СТЕПАН. Да убил бы просто, ты чё.

АЛЁНА. Вообще.

РОМА. Ну пикап-то ещё ладно...

СТЕПАН. Ну это какой-то додж.

РОМА. Нет, если в багажном отсеке, это ж нормально.

СТЕПАН. Короче, мы с её однокурсником Лёшей купили коньяк, ну, знаешь, типа за 300 рублей, коньячный напиток называется.

РОМА. Ой.

СТЕПАН. Такой вот большой, и мы – эта вино хлестала, а мы с ним.... А потом пошли на Рубинштейна. И там я потерялся вообще, я даже это смутно помню, Алёна сказала: тебя надо отсюда увозить, мы садимся в такси, и я говорю таксисту: подожди, не едь, открываю дверь – это мне Алёна рассказывает, как я блевал.

РОМА. Боже мой, Степан.

АЛЁНА. Я ещё шарфиком его своим прикрыла.

РОМА. А давайте о сексе поговорим. Какой экстремальный секс у вас был? Алёна?

АЛЁНА. Ну всё, ребята, хватит, я-то не пьяная.

РОМА. Слушайте, ну рано или поздно вам придется разнообразить свою сексуальную жизнь, невозможно же вот так до конца дней.

АЛЁНА. Даже не знаю.

РОМА. А, чёрт, она-то сок пьёт, а мы вискарь, а я-то думаю, что не так.

СТЕПАН. Чё она мнётся?

РОМА. Чё она мнётся, да. Подожди, так а что ты обо всём этом думаешь?

СТЕПАН. Ты не в тот момент спрашиваешь. Она трезвая. Купи текилы и она тебе всё расскажет. Соль, лайм.

РОМА. Слушайте, ребят, это же всего лишь секс. Вы придаёте этому столько значения. Это же всего лишь физическое воздействие. Со мной один раз произошла прелюбопытнейшая история, я был в центре – 3-4 часа днём было, пошёл в Дом кино на какой-то фильм французский. Захожу в зал – один. Ваще крутяк. Сел на предпоследний ряд по центру. Начинается кино, открывается дверь и заходит девушка симпатичная и садится на последний ряд за мной. А потом пересаживается рядом со мной. И диалог наш был быстрый. И стало так всё ясно. Я подумал, не снится ли мне это. Потом, после всего, она сказала: «Я сейчас вернусь, в туалет схожу». И не вернулась. Я даже не помню уже, как она выглядит. Но всё было так хорошо. А один раз мы со Степаном пили на Рубинштейна и встретили одну девушку, и она пила с нами, и потом так получилось, что всё случилось с этой девушкой, но по очереди. Интересно, да? Я был первый. Потом Стёпа.

АЛЁНА. Он смотрел?

РОМА. Нет, нет. Но хотя я не знаю. А я уже спал, когда он там всё делал. Я же уже всё сделал, было хорошо.

АЛЁНА. А у меня было в клубе в комнате тёмной.

РОМА. И всё? Без подробностей? После всего, что я рассказал? Ну ничего, куплю текилу. Мне интересно, с кем живёт Степан. Степан – это грязная тварь. Где виски?

СТЕПАН. У тебя в стакане. Допей сначала.

РОМА. У вас же у обоих были разные люди раньше.

СТЕПАН. Раньше - да, а сейчас, я верю, нет.

РОМА. Предположим, нет, так а в чём разница-то? Если Алёна тебя действительно любит, что меняется? Вы 2 года вместе, ну предположим разок чих-пых, и что меняется?

СТЕПАН. Всё.

РОМА. Что?

СТЕПАН. Вообще всё.

АЛЁНА. Да, тогда что-то изменилось, когда я прочитала твои сообщения той женщине. Твою эту переписку горячую с ней. Как ты её вожделеешь.

РОМА. Неожиданно. Ты про ту историю с Кристиной?

СТЕПАН. Что ты приплетаешь?

АЛЁНА. Я про ощущения свои, тогда же я подумала, что что-то было.

РОМА. То есть, ты говоришь о переписке? Просто слова?

АЛЁНА. Вот это больше намного, когда ты человека ждёшь...

СТЕПАН. Я не буду доставать наше грязное бельё при Романе.

РОМА. Мне кажется, люди сильно парятся на тему секса. Если у вас реально есть отношения духовные, как на это влияет банальная физуха? Как может что-то испортить трах на стороне?

СТЕПАН. Если это вопрос, ответ: да, даже без каких-то...

РОМА. Ты сейчас так считаешь. Раньше ты так не считал.

СТЕПАН. А я раньше не любил.

РОМА. Это, конечно, исчерпывающий... Но и хорошо.

АЛЁНА. А раньше похождения у него были?

РОМА. Степан, давай, щас 5 утра, самое время признаться.

АЛЁНА. Я знаю, что Рома 100 пудов знает, потому что знает Маша, потому что Маша рассказывала мне, как в «Точке» она зашла...

РОМА. Стёпа был пьян. А с кем ты там был, кстати?

СТЕПАН. Я разве помню?

РОМА. Алён, ты считаешь, что секс – это очень важно?

АЛЁНА. Ты знаешь, сложные ощущения.

РОМА. Ощущения как раз несложные.

АЛЁНА. Сложные. Когда я прочитала эти сообщения, меня так начало трясти, я готова была всё! Мы расстаемся и... сложно это забыть, сложно это принять.

РОМА. Похоть – это одна секунда.

АЛЁНА. Одна секунда? Когда человек пишет такие длинные сообщения – это не одна секунда. Это значит, в его сознании уже есть эта мысль – изменить.

РОМА. У меня тоже было подобное, Маша меня тоже пропала. Но я ей объяснил...

АЛЁНА. Да ты не любишь Машу.

РОМА. Что значит, не любишь Машу? Ты так говоришь...

АЛЁНА. Ты даришь ей цветы?

РОМА. Я вообще никому не дарю цветы, я как вегетарианец считаю, что они должны расти на клумбе.

АЛЁНА. Только их выращивают, чтобы продать.

РОМА. Один хер, коров тоже выращивают, чтобы съесть.

АЛЁНА. А ты дари в горшках.

РОМА. Маша уже через 5 лет забила на это. Один раз орхидею подарил – подохла.

АЛЁНА. Дари хорошие.

РОМА. Орхидея хорошая. Самая хорошая. У меня даже алоэ вера подохло, самый, сука, живучий цветок.

АЛЁНА. Нет, ну ты любишь Машу?

РОМА. Не знаю, что все вкладывают в слово «любишь».

АЛЁНА. То, что ты вкладываешь.

РОМА. Любовь – это как минимум уважение, дружба...

АЛЁНА. Нет, ты скажи, ты сейчас раскладываешь, ты её любишь?

РОМА. Я тебе ещё раз повторю, что для меня слово имеет очень много граней, всяких разных, и я ко многим чувствовал разные чувства, и я не знаю, что такое любовь, вы вот спокойно говорите, что любите друг друга, а на самом деле что такое любовь? Я к Маше отношусь, как сказать, я набил татуху с её именем, Маша – мама моего ребёнка, для меня она в любом случае...

АЛЁНА. Уважаешь, ты её уважаешь.

РОМА. Уважаешь – слово такое... нет. Я испытываю к Маше определённую гамму чувств.

АЛЁНА. А помнишь, когда мы недавно только познакомились, мы гуляли в парке? Я видела, что ты унижаешь Машу. Видно было, что ты её задолбал. И это Маша говорила сама, когда мы с ней сидели вместе на скамейке.

РОМА. Ты видела нас второй раз в жизни.

АЛЁНА. Во-первых, я была пьяная.

РОМА. Мы все были тогда.

АЛЁНА. И почему-то я тогда решила, что это несправедливо.

РОМА. Но щас ты уже всё понимаешь.

АЛЁНА. Я плохо знаю Машу.

РОМА. А ты можешь про кого-то сказать, что ты хорошо его знаешь?

АЛЁНА. Да, Настю. Это моя подруга. Но я никогда не скажу ей, что её муж – дебил.

РОМА. А он дебил?

АЛЁНА. Ну сложно сказать... Раз она пришла с синяком.

РОМА. Ни хуя себе, он ей впаял по щам, и ты не можешь сказать, что он дебил?

АЛЁНА. Это сложная ситуация. Давайте как-то потом, ладно? Я спать.

Алёна уходит.

СТЕПАН. Я сейчас впустил в себя какого-то демона, не знаю, я сейчас себя не контролирую. Знаешь, как я испугался, когда тогда на Миллионной мы шли, и она сказала, что её утвердили в Москву на роль, и она шла по телефону говорила.

РОМА. Да я видел.

СТЕПАН. Я должен был испытывать счастье, радоваться за неё, но я так испугался. Стало страшно. Она уедет в Москву и найдёт там себе кого-нибудь. А я? Меня даже на рекламу чая не утвердили, денег нет, таланта нет.

РОМА. Стёп, ну ты понимаешь, что это всё неправильно. Да? Нездоровое просто отношение. Она на самом деле, ну... Она интуитивно, конечно, чувствует своё превосходство. А ещё, знаешь, я не помню, почему мы так долго говорили без тебя, но я ей сказал, что мне не понравилось, как ты возвращал её – ну тогда, после твоей горячей переписки с Кристиной, нельзя так падать, на коленях ползать и просить прощения, есть какая-то грань. И она сказала: «Ну тогда бы я его не простила, он бы меня не убедил». И ты знаешь, блядь, это как-то странно. Ей нужно было от тебя фиаско, полное унижение, растоптанное мужское эго, чтобы тебя простить.

СТЕПАН. Знаешь, я тебе ещё не говорил, и никому не говорил, но похоже, я готов.

РОМА. К чему?

СТЕПАН. К мысли, что это на всю жизнь. Что нам надо жениться. Сегодня на съёмках со мной в кадре была девушка... И это было в физиологическом смысле просто что-то какое-то, не знаю... Высокое, пропорциональное, собранное тело. И мы с ней провели на площадке полдня. Не знаю, что она во мне нашла, но она меня и так, и эдак. Помнишь, мы с тобой говорили об одном моменте, когда ты смотришь на девушку. И я думал – одно движение и я получу это тело. И мне от этого стало противно.

РОМА. Стыдно?

СТЕПАН. Стыдно, и неловко, и нехорошо. Как будто я, блин, на кашку наступил. Изэээээ. Просто от того, что я увидел это. Со мной такого не было никогда.

РОМА. Всё, тебе пиздец. Узнаю симптомчики. Когда со мной такая хуйня была, ни к чему хорошему это не привело.

СТЕПАН. Я люблю Алёну.

РОМА. Смотри, какая погода, Степан.

17.

РОМА. И вот седьмой час утра: солнце и голубое-голубое небо. Мы взяли стаканчик, вискарь, мандаринчик. Мы вышли на набережную – был день ВМФ: столько кораблей и ни одного блядского человека. Полчаса стояли на набережной и разговаривали. Солнце – так странно для этого холодного лета. Было тепло, мы говорили о планах. От души. Стёпа давно ни с кем не говорил – чтоб без Алёны. Я его поддерживаю, чтоб он мобилизовался, не раскисал. Мы бы так и гуляли дальше. Но Алёна позвонила. Мы вернулись, я спать лёг, там у них на диване на кухне сплю. Почитал ещё фб, про Линкин парк прочитал, ему 41 всего. Неприятно. Столько людей дохнет, а неприятно, когда музыканты. И уснул. Сны снились хорошие.

18.

РОМА. В августе три недели мы с Машей колесили по Восточной европе. Ну у меня была заначка, и я занял под премьеру. Забронировал всё ещё в июле, я мастер, кстати, недорогих классных путешествий. Через 500км от начала пути у меня ушел антифриз из движка, я кое-как допёрся до этого сраного Минска, заливал на каждой заправке антифриз. Короче, Минск, оказывается, работает до семи, весь, и магазины, и автосервисы. Мы еле успели пожрать купить. На следующий день выяснилось, что это всё абсолютное распиздяйство моего сервиса – не поменяли трубки какие-то, и какую-то маленькую прокладку. Попал на бабло, конечно. И попоздал на свою бронь в Кракове. Ещё смешно было в Будапеште – там тоже ни хера не работает. Денег поменять негде, ливень, не дойти, шлялись часа три. Сербия распиздяйская. Потом Болгария и 9 дней на море. Маша там всё время проболела бронхитом. А на обратном пути болел я. Но все равно было классно. И даже теракт в Барселоне не испортил нам отпуск. Мы не думали про теракт в Барселоне.

19.

Рома и Маша едят яблоки.

РОМА. Я хочу с тобой поговорить, Маша.

МАША. О чём?

РОМА. О перспективах. Чё ты напрягаешься? Как тебе наше путешествие?

МАША. По десятибальной шкале?

РОМА. Как ты считаешь, для наших отношений хорошо же было?

МАША. Да.

РОМА. Нет, я имею в виду, что...

МАША. А что?

РОМА. Да не «а что», я тебя просто спрашиваю... Ты видишь улучшение?

МАША. Да.

РОМА. Того, что было, и что сейчас.

МАША. Угу.
РОМА. Ну что с тобой, что ты плачешь?
МАША. К чему ты ведёшь?
РОМА. Просто спрашиваю тебя.
МАША. И что?
РОМА. Просто спрашиваю. Ты чего?
МАША. Ты себя по-другому ведёшь.
РОМА. Я? Так же.
МАША. Нет. И я по-другому себя веду.
РОМА. А как?
МАША. Стараюсь. И ты.
РОМА. Ну у тебя прошла постродовая депрессия, а я так же.
МАША. Нет, многих вещей нету.
РОМА. Каких?
МАША. Например, ты меня поддерживаешь очень.
РОМА. Я всегда поддерживаю, просто ты была не в адеквате..
МАША. Короче, что уже об этом говорить.
РОМА. Просто я удивлён.
МАША. Чему?
РОМА. Всеми?
МАША. Что? Чему ты удивлён?
РОМА. Ну не плачь. Мы с тобой только один раз поссорились за 20 дней путешествия. И то, просто ты купила персики по 150 рублей штука. Я тебе их ещё долго буду вспоминать.
МАША. Хорошо.
РОМА. Расскажи мне сказку какую-нибудь.
МАША. Серьёзно? Аглаша меня попросила рассказать сказку, и я рассказала, как папа пошёл маму искать, когда надоело холостому быть. Ну он там лягушку не хотел целовать.
РОМА. Хорошая сказка. На следующий год возьмём Аглашу с собой?
МАША. Хочу путешествовать вдвоём.
РОМА. Почему?
МАША. Весь год очень тяжело крутишься. А тут я чувствую себя ребёнком с тобой. Такой кошечкой. Хочешь, прочитаю рэп?
РОМА. Хочу.
МАША. Нет, стесняюсь.

20.

РОМА. Алёна снимается, Стёпу утвердили тоже на сериал, контракт на год, 44 серии, денег до хуя, видятся редко, трахаются хорошо. Но мне кажется, бросит она его скоро. Маме надо делать операцию – что-то по-женски, а квоты кончились. Или 80 тысяч, или ждать квоту – надо решать. Аглаша так и не пошла в сад – мы долго ходили из сада в контору, где записывают, и обратно, наконец, нас взяли, но надо было показать справку от фтизиатра, а её у нас нет. Мы записались на манту, и тут она заболела. Короче, садик переносится на осень. А я поехал в Финку затарился сыром с моим другом Ромиком. У него же 2 точки финских товаров – наполовину легальные. И мы поехали на его тачке, и с ним ещё один друг на своей

тачке. Я стал на несколько часов контрабандистом. Он покупает на 2,5 тыс евро, то есть на 200 тыс рублей, всякой еды: 40 голов сыра, кефир, молоко, масло сливочное (брикеты по 10 кг в пачки из-под порошка), икры на заказ пару банок. Покупает и ныкает - обшивку снимает с колёс, туда сыр, и под кресла, в чёрных пакетах, и даже в детское автокресло, всюду. И мне это так нравится! Полный наёб этого государства! Финский сыр режется в сырорезке, а наш гнётся, он как плавленый, пластилин. А стоит дороже. Там есть люди, они тупо на микрикке приезжают, забивают санкционкой и везут спокойно через таможку – башляют, конечно, этим на границе. Ромик так 2 раза в неделю выезжает – в Латвию и в Финку. Он две икры продал по 4 тысячи, сразу 3 тысячи заработал на этих двух баночках. Нормально же. Надо и мне заняться.

21.

Звонок скайпа, фото папы, Рома отвечает.

ЛЕНА. Рома?

РОМА. О, Лена! Неожиданно.

ЛЕНА. Рома, твой папа умер.

РОМА. Что?

ЛЕНА. Он умер.

РОМА. Кто?

ЛЕНА. Твой папа.

РОМА. Как?

ЛЕНА. Сердце.

РОМА. Подождите, что случилось?

ЛЕНА. Сердце, мгновенно, упал.

РОМА. Как?

ЛЕНА. Посылку вам приготовил – тут две куртки Аглаше, 100 евро, ещё какие-то вещи. Ты забери. На похороны приедешь?

РОМА. У меня репетиция. Приеду, конечно.

ЛЕНА. Вот так, тыквы выросли, а он умер.

22.

Трек Оксимилона «Признаки жизни».

Из Муми-доллов, Хоббитонов и слонопотамов;

Из кладовок, антресолей и полуподвалов;

Из переходов, что познали баллоны вандалов;

Офисных окон, где я пробыл рабом феодалов...

Я что-то тихо вынес ночами, заныкал,

И пока начальник мне не скажет "с вещами на выход!"

(На выход, блядь!)

Ты как всегда - опечалишь барыгу,

Взяв то, что толкает англичанин с очами навывкат.

Мне подождать и поднажать или уйти,

Чтоб это дальше продолжали подражатели?

Несу хуйню и они безропотно вторят,
Но в итоге, кто ученый, а кто подопытный кролик?
(Кто?)

Мне нужен врач, лучше на дом и немедленно!
Ватсон, Фрейд, Курпатов, Пеппер.
Горизонт заволокло и где-то хлопнуло окно.
Похуй кто, но дай мне свет: Бог или оптоволокно.

Припев:
Мне... Мне не передать,
Что в моей черепной коробке телепередач.
Я вернулся, держись, мир!
Вы заказали мою голову, я подаю вам признаки жизни.

Я много лет не выпускал стафф,
Ждал, пока он станет жирным, как Фальстаф.
Видать, ты думал, что пора, что ты Five Star,
Ты поспешил, насмешил - это фальстарт.

Я проповедовал щеглам, как Франциск Ассизский.
Видел Смерть, она сказала "распишись на сиськах".
Мы разной породы, вы - безопасной дорогой,
А я - то желтую кирпичной, то красной ковровой.

Судишь меня? Удостоверься, не мажор ли ты..
Я был голодным МС, съел других и стал прожорливым.
Ты пугал и свой понос исподтишка толкал,
Ну а пока - у тебя даже толстая кишка тонка.

У твоей мамы сестра, что мокра, как водоем.
Ее дыра настолько мала, что я наноёб.
Мне пишут МС "нихуя себе, брат, как классно!"
И вам спасибо, биомасса и протоплазма!

Если ночью все кошки серы, что же это за черный кот,
Что ведет со мной каждую ночь беседы?
Диалоги о чем угодно, про закат Европы и ложь системы.
Если б это был черт, его бы выдавало зловоние, точно из бочки серы.

Но ничего подобного. Он летит за окошко в темень.
Дождь со снегом ебошат с неба.
Мы все в отрыве от почвы - слепы, а на ней - будто тощий стебель,
И в том числе ты, одинокий в ячейках и сотах, как мощи в склепах.
Всё равно вешать нос щас нехуй. Против всех и...

Круговая порука. Тот, кто деньги скопил, завещает их внукам.
Но мои сбережения равны совокупности мной издаваемых звуков.
Ставлю вас в угол, коль ты супер МС, я Лекс Лютор.

На концертах лес рук, но я по-прежнему тут на ветру, как флюгер.

Сколько лет я был где-то в подземке,
Сколько зим проебал, сколько сил потратил.
Демо-тейпы, онлайн-баттлы, горе-лейблы.
Хватит!

И хоть мы из пробирки,
Но мы не готовы жить на галерке.
В давке как на Ходынке,
Я джинн из бутылки или чертик из табакерки?

Я один с лампой. От Редбулла зрачки - манга.
Депривация сна и неебаться устал, под глазами круги - Панда.
Все, что есть в этой ёбаной песне я для вас оторвал от груди - Данко.
Я бы вышел из этой игры, но я боюсь повредить ей гланды.

КОНЕЦ